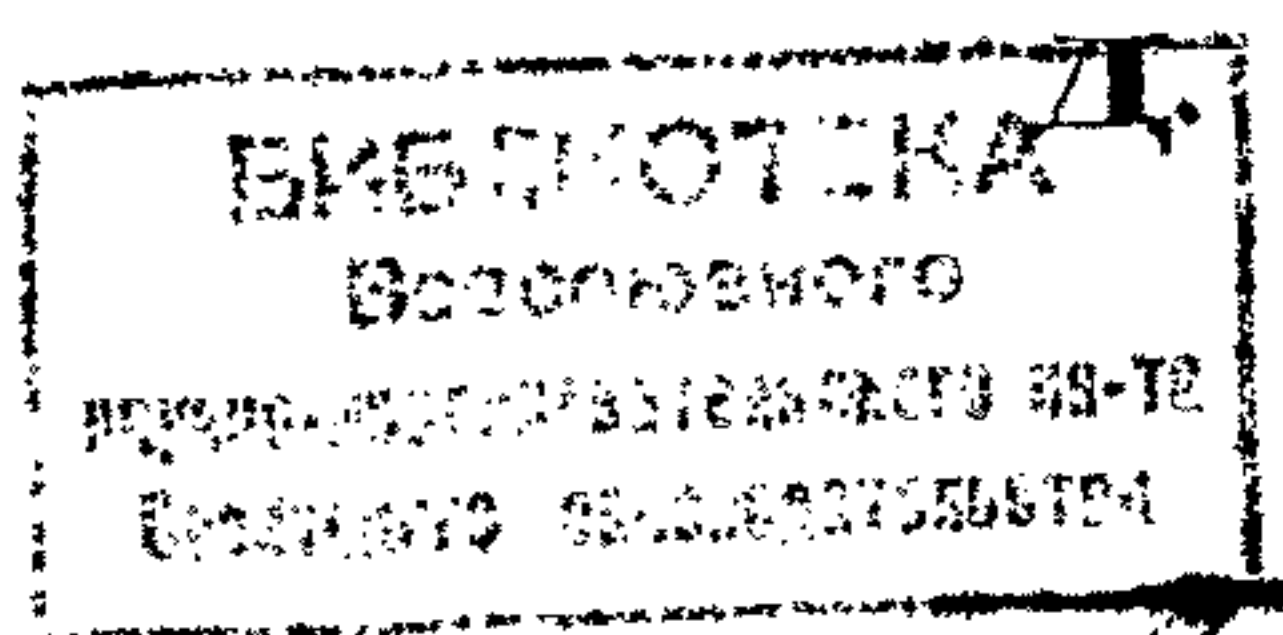

ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЛИ

ТЮРЬМОВЪДЪНІЕ

СОЧИНЕНІЕ

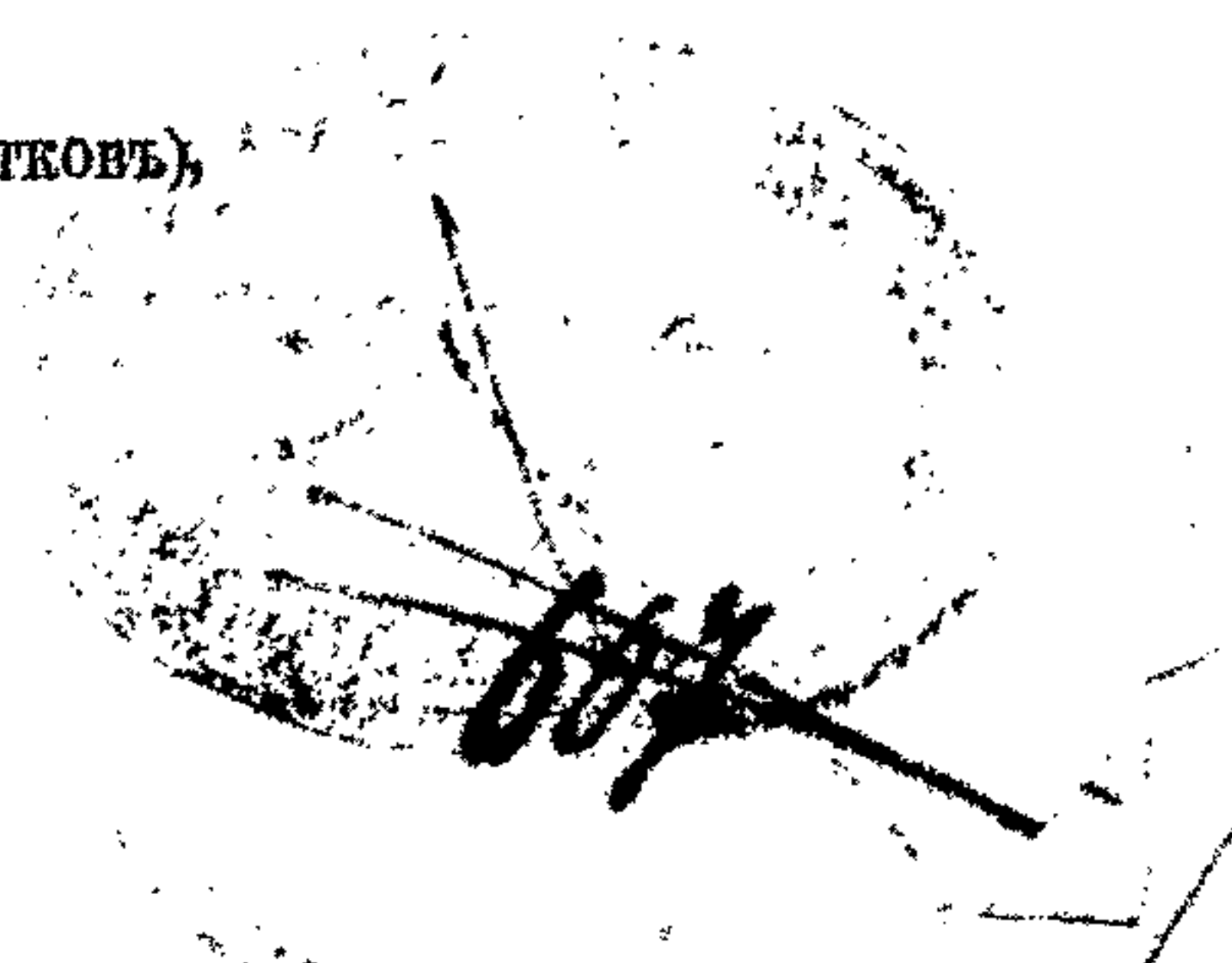
Д. Тальберга.

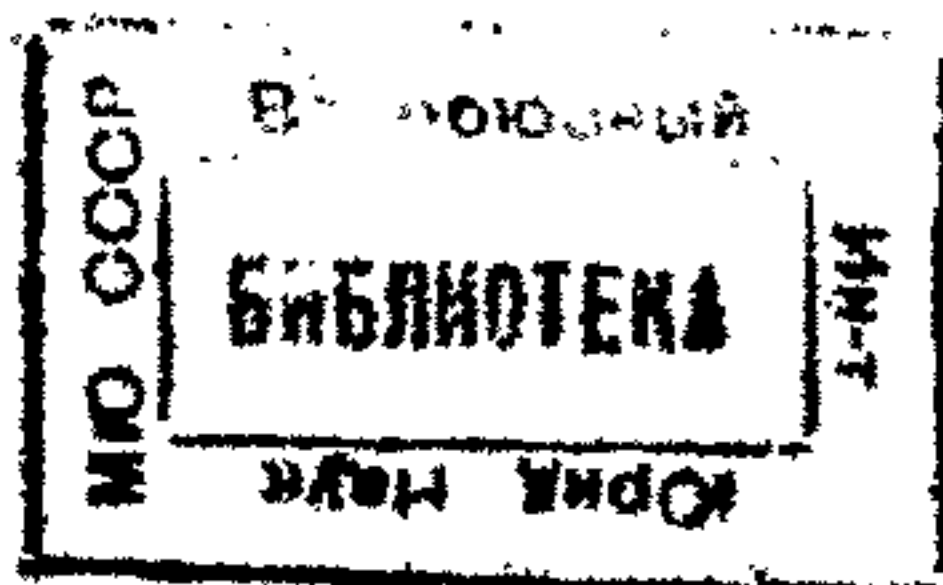

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ),
на Страстномъ бульварѣ,
1876.

1999

Дозволено цензурой. Москва, 23-го сентября 1876 г.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ), на Страстномъ бульварѣ.

ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.

Исторія западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ тюремъ, представляетъ три періода: устрашительный, филантропическій и политическій. Первый періодъ тюремной дѣятельности самый продолжительный; онъ обнимаетъ собой почти все время отъ момента возникновенія тюрьмы, какъ мѣры предупредительной и карательной, до конца прошлаго столѣтія. Забота о тюрьмахъ и заключенныхъ въ нихъ выражалась въ этотъ періодъ исключительно въ томъ, что бы высокія стѣны и тяжелыя цѣпи представляли достаточныя гарантіи противъ побѣговъ заключенныхъ. По самому характеру тюремной дѣятельности этой эпохи, по крайней несложности и простотѣ ея задачъ, наконецъ — благодаря чисто бытовымъ, культурнымъ условіямъ средне-вѣковой жизни, тюремный вопросъ не могъ сдѣлаться предметомъ литературной обработки; поэтому до появленія въ 1777-мъ году сочиненія Джона Говарда (*The State of the Prisons*) едва-ли можно указать хоть одно изслѣдованіе, специально посвященное тюремному вопросу. Въ филантропическій періодъ тюремной реформы, когда тюремная дѣятельность характеризуется стремленіемъ различныхъ благотворительныхъ обществъ и частныхъ лицъ облегчить и улучшить матеріальное положеніе заключенныхъ въ тюрьмахъ, вызвать сочувствіе и вниманіе къ участи заключенныхъ, въ этотъ періодъ, говоримъ мы, тюремная литература получила

свое начало. Филантропы всѣхъ странъ обратили вниманіе на тюрьмы и среди посѣтителей тюремъ начала настоящаго столѣтія можно было встрѣтить не мало лицъ съ громкими аристократическими фамиліями. Тюремный вопросъ въ ту пору сдѣлался моднымъ; онъ служилъ, по выраженію Моро-Кристофа *), канвою, на которой идеологи обѣихъ частей свѣта занимались вышивкой ихъ теорій и темою, которой забавлялись филантропы всѣхъ странъ, на всѣ лады и со всевозможными варіаціями. Преступника считали нужнымъ окружить такими удобствами, о которыхъ не смѣла мечтать масса свободнаго населенія.

Политическій періодъ тюремной реформы наиболее богатъ литературной разработкою вопросовъ тюремной дѣятельности; цѣлый рядъ писателей, во главѣ которыхъ наиболее видныя мѣста занимаютъ Блекстонъ, Россель, Крауфордъ, Юліусъ и Токвиль, **) открываютъ новое, болѣе раціональное направленіе въ тюремной дѣятельности; согласно этому направленію тюремный вопросъ есть вопросъ социальный, и на наказаніе должно смотрѣть, какъ на одну изъ мѣръ борьбы общества съ преступленіемъ; филантропія въ ея исключительной формѣ признана была безусловно вредною въ тюрьмѣ, дѣятельность которой, какъ уголовного наказанія, должна соответствовать требованіямъ уголовной политики, иначе сказать—всякая мѣра тюремной дѣятельности на столько полезна или вредна, на сколько она способству-

*) *Moreau-Christophe*. Résumé de la question pénitentiaire en France et a l'étranger, Paris 1843, p. 67.

**) „La publication de l'ouvrage de M. M. de Beaumont et de Toqueville a fait époque dans les fastes de la reforme pénitentiaire“ — замѣчаетъ *Discretian* въ первыхъ строкахъ своей обширной работы. De la reforme pénitentiaire, Bruxelles, 1838, p. III. Относительно сочиненія д-ра Юліуса (Vorlesungen über die Gefängnisskunde) *Кетле* замѣчаетъ, что это одно изъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій, написано объ улучшеніи тюремъ и нравственности арестантовъ. Опытъ общественной физики. Спб. 1865., стр. 188. Сочиненія обоихъ авторовъ переведены на многіе иностранные языки.

еть уменьшенію или увеличенію числа преступленій въ обществѣ. Въ разсматриваемый нами періодъ тюремной дѣятельности кромѣ массы отдѣльных брошюръ и монографій по тюремному вопросу въ различныхъ мѣстахъ Европы появились спеціальныя періодическія журналы *) и состоялся рядъ мѣстныхъ съѣздовъ и конгрессовъ.

Рѣдкій спеціальный вопросъ удостоивался такого общаго вниманія, какъ тюремный; нѣсколько международныхъ конгрессовъ были заняты спеціально обсужденіемъ тюремнаго вопроса. Первый международный тюремный конгрессъ состоялся въ 1845 году, во Франкфуртѣ, (на Майнѣ) по инициативѣ бельгійскаго тюрьмовѣда Дюкнесье; на этомъ конгрессѣ присутствовало 18 человекъ, принимавшихъ участіе путемъ печати и практической дѣятельности въ тюремной реформѣ Соединенныхъ Штатовъ, Англіи, Франціи, Бельгіи и др. государствъ. Спустя годъ (1846 г.) состоялся второй международный конгрессъ въ Брюсселѣ при участіи 200

*) „Jahrbücher der Gefängnisskunde“, издававшійся въ Берлинѣ въ 40 годахъ подъ редакціею Юліуса и Варрентранпа, принадлежитъ къ числу первыхъ спеціально посвященныхъ тюремному вопросу періодическихъ журналовъ. Въ Гейдельбергѣ съ 1864 году „Общество германскихъ тюремныхъ дѣятелей“ имѣетъ свой постоянный журналъ „Blätter für Gefängnisskunde“, выходящій ежегодно въ количествѣ пяти книжекъ; редакторомъ этого журнала состоитъ извѣстный директоръ Бруксальской тюрьмы Густавъ Экертъ. Въ Италіи издается тюремный журналъ „Cesare Baccaria“ подъ редакціею Беллаци. Во Франціи проектировался, если не ошибаемся въ 40-хъ годахъ, спеціальный тюремный журналъ „Revue pénitentiaire et des institutions preventives“ подъ редакціею Моро-Кристофа. Мы имѣемъ въ рукахъ только объявленіе проекта журнала. На сотрудничество въ предполагаемомъ журналѣ изъявили согласіе — Токвиль и Бомонъ (Франція), Россель (Англія), Дюкнесье (Бельгія), Юліусъ (Германія), Фридериксъ Гиль (Ирландія), Давидъ (Копенгагенъ), Нетцель (Стокгольмъ), Пико (Женева), Рамонъ-де-Сагра (Италія) графъ Скарбекъ (Варшава), Сурингаръ (Голландія) Варрентранпъ (Франкфуртъ), Іосифъ Виртъ (Вѣна) и др.; судя по именамъ сотрудниковъ, нельзя не пожалѣть, что проектъ не осуществился.

человѣкъ. Третій конгрессъ былъ въ 1856 году, а четвертый въ слѣдующемъ году во Франкфуртѣ (на Рейнѣ). Занятія на этомъ конгрессѣ шли по программѣ, составленной Дюкпесье и Варрентрапомъ *).

Въ 1871 году состоялся конгрессъ въ Цинцинати, въ штатѣ Огейо; сѣверо-американское правительство отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ этому конгрессу и предварительно обратилось ко всѣмъ Европейскимъ правительствамъ съ просьбой сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія по различнымъ вопросамъ тюремнаго дѣла. Но такъ какъ многія правительства вовсе оставили безъ отвѣта вопросные пункты, предложенные сѣверо-американскимъ правительствомъ, и такъ какъ на конгрессъ не прибыли иностранные делегаты, то по инициативѣ американца д-ра Уэнса **) (Wines) и при поддержкѣ со стороны президента Соединенныхъ Штатовъ Грандта — въ слѣдующемъ году (3 Іюля 1872 г.) состоялся международный конгрессъ въ Лондонѣ, при участіи 300 человѣкъ представителей различныхъ государствъ; каждое правительство имѣло своихъ делегатовъ, между прочимъ отъ лица Россіи таковымъ былъ графъ Соллогубъ. Занятія на Лондонскомъ конгрессѣ были распредѣлены на три группы, сообразно 3 ступенямъ въ жизни лицъ, подпадающихъ уголовному разбирательству: до наказанія, во время показанія и послѣ него. Первая группа дѣлъ предоставлена была первой секціи съѣзда подъ общимъ заглавіемъ „уголовное право, судопроизводство и полиція“; сюда были включены слѣдующіе вопросы: о желательности введенія или уничтоженія нѣкоторыхъ нака-

*) О первыхъ международныхъ тюремныхъ конгрессахъ см. у Mittermaier'a „Die Gefängnisverbesserung etc. 1858, S. 63.

**) Вскорѣ послѣ Цинцинатскаго конгресса въ Лондонѣ устроился обширный митингъ, на которомъ постановлено было назначить временемъ конгресса іюль мѣсяцъ 1872 года; дѣло Уэнса нашло сильную поддержку въ Лондонскомъ обществѣ для распространенія общественныхъ наукъ и улучшенія законодательства. (Society for the promotion of social Science and for the improvement of Law).

заній; о продолжительности сроков заключенія; о рецидивѣ, о подслѣдственныхъ арестантахъ и о выдачѣ преступниковъ. Вторая секція должна была заняться разсмотрѣніемъ слѣдующихъ предметовъ: объ общемъ тюремномъ уставѣ; тюремное управленіе и надзоръ; положеніе и воспитаніе должностныхъ лицъ тюремнаго вѣдомства; устройство тюремъ; тюремная работа; тюремное образованіе и воспитаніе; дисциплинарныя тюремныя наказанія, положеніе несовершеннолѣтнихъ арестантовъ и тюремная статистика. Наконецъ, къ 3-ей секціи отнесены были: условное, досрочное освобожденіе; надзоръ за освобожденными арестантами; попечительныя общества и пріюты для освобожденныхъ; выселеніе ихъ (эмиграція) и возстановленіе правъ (rehabilitation). Такова была въ общихъ чертахъ программа занятій конгресса, который принесъ неоспоримую услугу тюремовѣдѣнію; уже самый фактъ возникновенія международнаго конгресса до известной степени содѣйствовалъ популяризаціи тюремнаго вопроса, участіе официальныхъ делегатовъ въ занятіяхъ конгресса дало возможность собрать драгоцѣнный матеріалъ относительно положенія тюремнаго вопроса въ Европѣ и Америкѣ; въ засѣданіяхъ конгресса затронуто было много важныхъ вопросовъ и данныя добытыя на конгрессѣ, послужили матеріаломъ для составленія цѣлыхъ монографій, журнальныхъ и газетныхъ статей въ различныхъ концахъ Европы *). Дѣло литературной и научной разработки тюремнаго вопроса повсюду получило сильный толчекъ.

*) Такъ напр. во Франціи членъ Лонд. межд. конгресса Робэнъ въ 1874 году издалъ исслѣдованіе (*La question pénitentiaire, par E. Robin*), составленное исключительно на основаніи трудовъ Лондонскаго конгресса—*Transactions of the international penitentiary Congress held in London, July 3—12, 1872.*—Въ „*Blätter für Gefängnissskunde*“ (6 Band, 4. Heft, 1872, S. 217 — 282; 6 Band, 5 Heft, S 306 — 333) появилась большая статья подъ заглавіемъ „*Internationaler Gefängniscongress in London.*“ У насъ въ Россіи—въ Судебномъ Вѣстникѣ напечатано было нѣсколько заграничныхъ писемъ по поводу Лондонскаго конгресса и его занятій доцентомъ С. Петербургскаго Университета И. Я. Фойниц-

Лондонскій международный конгрессъ, между прочимъ, учредилъ постоянный международный комитетъ *), задача котораго заключается въ томъ, что-бы содѣйствовать выработкѣ международной тюремной статистики и подготовить для занятій будущаго конгресса вопросы, имѣющіе международное значеніе. По инициативѣ этаго комитета предполагается въ нынѣшнемъ году созвать новый международный конгрессъ или въ Римѣ или въ Стокгольмѣ.

Кромѣ международныхъ тюремныхъ конгрессовъ, какъ было замѣчено выше, въ различныхъ мѣстахъ Европы происходятъ отъ времени до времени мѣстные тюремные съѣзды практическихъ и литературныхъ дѣятелей по тюремному вопросу. **) Эти съѣзды находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для обстоятельнаго обсужденія различныхъ вопросовъ, нежели конгрессы; нѣкоторые авторы придаютъ даже мѣстнымъ съѣздамъ больше значеніе, нежели конгрессамъ. ***)

Всѣми этими конгрессами, съѣздами, законодательными и частными комиссіями и т. д. собрано громадное количество сыраго матеріала; поэтому тюремная литература или

кимъ, а въ Вѣстникѣ Европы была помѣщена статья Аненкова, бывшаго вмѣстѣ съ гр. Соллогубомъ, Фойницкимъ и Володимировымъ (проф. Харьковскаго университета) членами Лонд. конгресса.

*) Членами этаго комитета состоятъ: д-ръ Уайнсъ (предсѣдатель), Бельтрани-Скалія, (секретарь) Гольцендорфъ, Стифенъ, Гастингсъ, гр. Соллогубъ и др.

**) Укажемъ на нѣкоторые съѣзды; въ Бирмингамѣ (1857 г.), Женевѣ (1863) Гейдельбергѣ (съ 1864 года ежегодно), Бернѣ (1865) Леицбургѣ и Сентъ-Галли (1867, 1868 и 1869), въ Цюрихѣ (1867), Дрезденѣ (1867 г.), Нейбургѣ (1872) и т. д. О первомъ съѣздѣ упоминаетъ Митермайеръ (Die Gefängnisverbesserung etc. S. 69) о прочихъ см. Blätter für Gefängnissskunde. 1865 1 Band, 1 Heft S. 9—82; Bl. für G-de, 1868. Bd. 5 Heft, S. 381—399; Bl. für G-de 1875; 8 Bd. 1 H., S. 1—35.

***) Рѣчь Митермайера на первомъ съѣздѣ „Общества германскихъ тюремныхъ дѣятелей (Verhandl der Deutschen Strafanstalts-Beamten) Blätt. für G-de, 1865, Bd. 1 H. S. 19.

тюрьмовѣдѣніе (Gefängnisskunde, Gefängnisswissenschaft, System pénitenciaire) представляетъ рѣдкое богатство изслѣдованій; но не смотря на все обиліе монографій, брошюръ и статей, замѣчаетъ извѣстный германскій профессоръ Гольцендорфъ, *) современи появленія сочиненія Юліуса (Vorlesungen über die Gefängnisskunde von Julius. Berlin, 1828) мы не знаемъ ни одного изслѣдованія, которое представляло бы полное, объективное изложеніе всего тюремнаго вопроса.

По отзыву многихъ почтенныхъ изслѣдователей и по личному нашему впечатлѣнію, вынесенному изъ изученія тюремной литературы, содержаніе тюрьмовѣдѣнія далеко не соответствуетъ важности вопроса. Неудовлетворительное состояніе тюрьмовѣдѣнія можно объяснить слѣдующимъ образомъ.

Всякое знаніе, всякая литературная и научная обработка извѣстнаго вопроса возникаетъ и развивается подѣ вліяніемъ дѣйствительной жизни. На первыхъ порахъ въ вопросахъ общественныхъ явленій царствуетъ хаосъ и неопредѣленность понятій; та отрасль знанія, которая беретъ на себя трудъ изслѣдовать подобное общественное явленіе не можетъ не отразить на себѣ неблагоприятныхъ практическихъ условій его. Если не легка задача всякой литературы, вызванной къ жизни и дѣятельности силою историческихъ и бытовыхъ причинъ въ младенческій періодъ ея, то тѣмъ съ большею справедливостью можно это сказать о тюрьмовѣдѣніи. Литературная обработка тюремнаго вопроса возникла въ то время, когда еще живучи были традиціонныя взгляды на преступника, въ которомъ не хотѣли видѣть «человѣка», за которымъ не хотѣли признать извѣстныхъ общечеловѣческихъ правъ, котораго не считали достойнымъ вниманія и заботы честныхъ людей. Не далеко было то время, когда умъ человѣческій изощрялся надъ

*) *Holtzendorff*. Die neuere Gefängnissliteratur. Allg. Deutsche Strafrechtszeitung, Heft 3, 1867, S. 122—145.

изобрѣтеніемъ самыхъ жестокихъ и мучительныхъ казней. Въ концѣ 18 в. и въ началѣ настоящаго—въ ряду многихъ великихъ историческихъ событій суждено было произойти коренной реформѣ въ сферѣ уголовной репрессіи. Многое грубое и жестокое, еще не такъ давно возбуждавшее протестъ немногихъ, теперь подвергнулось строгой критикѣ; въ эту эпоху выдвинулся тюремный вопросъ. Въ обществѣ на ряду съ прежними принципами и взглядами существовали новыя, навѣяныя ученіемъ представителей естественнаго права; для успѣха тюремной реформы необходимо было ослабить первыя и популяризировать, оправдать вторыя. Задача тюрьмовѣдѣнія была не легкая; ломая старое обыкновенно приходится давать новое, болѣе соотвѣтствующее духу времени и чѣмъ лучше это новое, чѣмъ богаче оно хорошими и наглядными результатами, тѣмъ скорѣе отходятъ въ вѣчность традиціонныя взгляды общества данной эпохи и тѣмъ болѣе облегчается задача литературы.

Тюрьмовѣдѣнію на первыхъ порахъ пришлось не только установить вѣрные принципы наказанія, но также и примѣнить ихъ при безконечномъ разнообразіи индивидуальных особенностей людей; тюрьмовѣдѣніе должно было найти грань между личнымъ правомъ и объективнымъ принципомъ наказанія; изслѣдовать всѣ моменты лишенія свободы и привести ихъ въ правильное соотношеніе. Въ стѣнахъ тюрьмы предстоило рѣшить давнишній споръ между извѣстными теоріями наказанія и практически установить отношеніе между принципомъ абстрактной справедливости и присущимъ жизни дѣйствительной утилитарнымъ принципомъ. Вопросъ о цѣляхъ наказанія не составляетъ болѣе вопроса празднаго; съ тѣхъ поръ, какъ тюремное заключеніе составляетъ почти исключительное наказаніе въ уголовныхъ кодексахъ Европы, когда исполненіе наказанія не представляетъ болѣе минутнаго акта человѣческаго правосудія—этотъ вопросъ перешелъ въ область реальныхъ, практическихъ вопросовъ. Но кромѣ основныхъ вопросовъ уголовного права, тюрьмовѣдѣнію, по самому свойству явленій, подлежа-

щихъ его изученію, пришлось натолкнуться на вопросы психологическаго и педагогическаго характера, а именно: возможно-ли исправленіе, перевоспитаніе взрослого человѣка, каковы должны быть средства для достиженія этой цѣли? Разрѣшеніе подобныхъ психологическихъ вопросовъ требуетъ спеціальныхъ и солидныхъ знаній; искусство узнавать человѣка, понимать тайники его душевной дѣятельности, умѣть вліять на него, искоренять дурныя стороны его характера—составляетъ важнѣйшее и труднѣйшее изъ искусствъ. Оно рѣдко кому дается въ жизни; еще рѣже удается регламентировать правила этого искусства, занести на страницы научнаго изслѣдованія главные, общія начала его. *) Помимо рѣдкой сложности входящихъ въ область тюремовѣдѣнія вопросовъ въ исторіи тюремной литературы, слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство, рѣзко обуславливающее многіе недостатки ея. Дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени вопросъ о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой системы размѣщенія заключенныхъ игралъ въ тюремной литературѣ роль первостепенной важности; довольно продолжительное время этотъ вопросъ былъ почти исключительнымъ предметомъ споровъ и изслѣдованій въ тюремовѣдѣніи. При сосредоточіи всѣхъ изслѣдованій на вопросѣ: какая система размѣщенія заключенныхъ наиболее совершенная и непосредственно ведущая къ цѣли, неудивительно, что произведенія тюремной литературы часто страдаютъ односторонностью, субъективизмомъ и довольно безцеремоннымъ обращеніемъ съ фактами и цифрами, т. е. недо-

*) Нужно принять во вниманіе, что психологическія знанія, призванныя служить базисомъ тюремной дѣятельности и тюремовѣдѣнія, весьма неточны, неопредѣлены; коренныхъ душевныхъ законовъ, замѣчаетъ Джонъ Стюартъ Милль, вовсе нѣтъ и наука духа есть только отрасль фізіологіи, хотя самая высшая и трудная. Согласно этому Контъ не только отрицаетъ научный характеръ психологіи, но, по химерическому свойству ея предметовъ и притязаній, ставитъ ее почти наравнѣ съ астрологіей. См. Система логики Дж. Ст. Милля Спб. 1867. т. II 422—423.

статками, неизбежными при полемической постановкѣ всякаго вопроса. *) Благодаря нѣкоторой легкости и поверхностности въ изслѣдованіяхъ по тюремному вопросу, послѣдній сталъ предметомъ, о которомъ съ равнымъ успѣхомъ стали толковать люди разныхъ спеціальностей; въ тюрьмовѣдѣніи сталъ преобладать вредный для всякаго знанія диллетантизмъ.

При всемъ томъ тюрьмовѣдѣніе по самому характеру своему принадлежитъ къ числу практическихъ, прикладныхъ знаній. Всякое положеніе изслѣдователя по тюремному вопросу можетъ быть выведено строго эмпирическимъ путемъ изъ фактовъ прямого наблюденія и опыта. Слѣдуя правильному методу, мы получимъ рядъ эмпирическихъ правилъ, т. е. приблизительно вѣрныхъ обобщеній, которыя, хотя не

*) На односторонность въ выборѣ матеріала можно найти много указаній въ тюремной литературѣ; извѣстный Германскій криминалистъ и тюрьмовѣдъ Митермайеръ (*Die Gefängnisverbesserung* etc. 1858, J. 14) говоритъ объ указанныхъ нами недостаткахъ тюремной литературы. Онъ считаетъ ихъ причиною того разнообразія мнѣній, которое существовало въ его время по вопросу о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой системы размѣщенія заключенныхъ. Другой изслѣдователь — М. Howe (*Essai sur la discipline des prisons* etc. Paris, 1848, (перев. съ англійскаго) p. 106 указываетъ на пристрастный подборъ цифръ тюремной статистики по вопросу: какая система заключенія болѣе сохраняетъ здоровье арестанта. Далѣе — Варрентраппъ (*De l'emprisonnement individuel* etc. par George Warrenttrapp. Paris 1844. pp. 12 — 13, 32, 36 etc.) полемизируя съ Шарлемъ Лука и Леономъ Фошеромъ, уличаетъ своихъ противниковъ въ неправильномъ и подѣ часъ пристрастномъ обращеніи съ цифрами; такъ, между прочимъ, онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они, указывая на большой процентъ смертности между заключенными въ Филадельфійской тюрьмѣ, умалчивали о томъ, что величина этаго процента находитъ свое объясненіе въ преобладаніи черныхъ въ числѣ тюремнаго населенія означенной тюрьмы, которые всегда мрутъ въ тюрьмахъ больше, нежели бѣлые а также въ большемъ количествѣ помилованныхъ. Эти факты, замѣчаетъ Варрентраппъ, не могли быть неизвѣстны Леону Фошеру и другимъ противникамъ Филадельфійской системы заключенія. Мы привели только немногіе факты, указывающіе на существованіе указанныхъ нами недостатковъ.

имѣютъ свойствъ закона, тѣмъ не менѣе могутъ въ значительной степени способствовать правильной постановкѣ тюремнаго вопроса. Собирають такія эмпирическія правила, говоритъ Дж. Ст. Милль, *) составляетъ важную часть приемовъ соціологической науки и задача всякаго знанія заключается въ томъ, чтобы факты наблюденія и опыта имѣли дѣйствительную цѣнность; только при этомъ условіи цѣнны будутъ выводы, сдѣланные изъ этихъ фактовъ.

Матеріаль, служащій основаніемъ для выводовъ въ тюремной литературѣ, можно подраздѣлить на наблюденія и опыты лицъ, соприкасающихся съ тюрьмой и цифры тюремной статистики.

Наиболѣе обширный матеріаль представляютъ официальные отчеты о дѣятельности извѣстной тюрьмы; по мнѣнію одного почтеннаго изслѣдователя **), приведенныя въ этихъ отчетахъ цифры не подлежатъ сомнѣнію, что-же касается всего остальнаго, то къ нему должно относиться съ возможною осторожностью и далеко не все принимать за чистую монету. И дѣйствительно, если съ одной стороны существуютъ отчеты, почтенные составители которыхъ стоятъ на вполне безпристрастной почвѣ и стараются дать фотографически вѣрное представленіе о тюрьмѣ, то съ другой стороны нельзя не замѣтить, что существуетъ цѣлый рядъ

*) Система логики. т. II. стр. 486.

**) Z. Zugschverdt, Der Follzug der Freiheitsstrafe. Wien 1867, S. 6. Это единственное изслѣдованіе, изъ извѣстныхъ мнѣ, гдѣ существуетъ особая глава подъ заглавіемъ: „Quellen für das Studium der Gefängnisfrage“ (s. 5 — 14). Далеко не всѣ раздѣляютъ довѣріе названнаго автора къ статистическимъ даннымъ, приведеннымъ въ официальныхъ отчетахъ; на сколько скептически относятся къ нимъ доказываетъ, между прочимъ, то общее и громкое одобреніе, которое вызвала рѣчь депутата Германскаго Рейхстага Морица Виггера (Moriz Wiggers), выразившаго сомнѣніе въ правильности цифръ, приводимыхъ въ официальныхъ отчетахъ. См. Blätter für G-de 1871, 5 Band, s. 75—77. Съ тѣмъ же скептицизмомъ къ даннымъ официального отчета относится Howe (Essai sur la discipline des prisons, p. 106).

условій, которыя могутъ внушить серьезное недовѣріе ко всѣмъ вообще официальнымъ отчетамъ. На содержаніе послѣднихъ не рѣдко имѣютъ вліяніе совершенно побочныя обстоятельства; такъ напр., что случается очень часто и по вполне понятной причинѣ, составитель отчета скрашиваетъ темныя стороны въ дѣятельности извѣстной тюрьмы за извѣстный отчетный періодъ и напротивъ—преувеличиваетъ хорошія; или составитель отчета принадлежитъ къ числу рьяныхъ приверженцевъ извѣстной системы заключенія, и на содержаніи отчета, иной разъ помимо сознанія самаго составителя, отразятся его симпатіи и антипатіи; наконецъ составитель отчета можетъ отнестись къ дѣлу съ чисто формальной стороны подобно тому, какъ у насъ относятся становые пристава къ различнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ и т. д. Вообще, пользуясь официальными отчетами слѣдуетъ помнить русскую пословицу «всякъ куликъ свое болото хвалить»; *) но данныя отрицательнаго характера имѣютъ несомнѣнную достовѣрность. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что официальные отчеты во многихъ мѣстахъ по настоящее время составляютъ канцелярскую тайну и доступны весьма немногимъ. **) Возможная публикація и гласность этихъ отчетовъ представляетъ надежную

*) Официальною литературой, замѣчаетъ г. Фойницкій, можно пользоваться съ осторожностью, по склонности каждаго хвалить свое напр. прусскій отчетъ, за 1871 годъ говорить о своихъ тюрьмахъ для тяжкихъ преступниковъ, что онѣ не оставляютъ ничего желать, а между тѣмъ изъ этого же отчета видно, что въ нихъ 80% рецидивистовъ и весьма незначительное количество книгъ въ тюремныхъ бібліотекахъ! См. „Письма изъ за границы“ Суд. Вѣстникъ за 1872 г. № 142.

**) Въ Соединенныхъ Штатахъ, Франціи и Англіи официальные отчеты пользуются большею гласностью нежели въ другихъ Европейскихъ государствахъ. Toqueville. *Système pénitentiaire* etc. p. 118—119. Zuchschwedt., *Ibid.* S. 7—8. У насъ въ Россіи могутъ имѣть извѣстный интересъ отчеты Попечительнаго о тюрьмахъ общества, если не съ положительной, то съ отрицательной стороны, но эти отчеты нигдѣ не публикуются, отпечатываются въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и притомъ 3, 4-мя годами позже; такъ въ настоящее время, кажется, вышелъ только отчетъ за 1870 годъ или 1871.

гарантію більшої правильності висновків і більшої правдивості фактів; постійна публікація їх може в значительній степені содѣйствовать популярності питання, дасть можливість критически охотитись до них, провѣрити факти і висновки, показати на недоліки і т. д.

Нѣсколькo бoлѣ цѣнний матеріалъ представляють факти личнихъ спостережень і досвіду, сообщаемые практичскими дѣятелями не вь офіціальнихъ звітахъ, а вь отдѣльныхъ монографіяхъ і брошюрахъ. Не рѣдко тюремні спостереження частні особи і заносять на сторінки своїхъ записокъ і досліджень рядъ личнихъ спостережень; этотъ матеріалъ може мати известную цѣну вь томъ случаѣ, когда знакомство спостеріателя сь тюремой не ограничилось бѣглымъ і однократнымъ спостереженнямъ, который може показати только рамку картини, а не самую картину; чтобы вывести правильное впечатлѣніе изъ спостереження тюрьмы необходимо познакомиться сь внутрешней жизнью тюрьмы, сь ея особенностями і исключительными условиями ея дѣятельности, нужно знати тѣ моменты, которые наиболее имеютъ значение вь достижении задачи тюрьмы.

Вь числѣ источниковъ для изучения тюремного вопроса особую цѣну имеютъ отчеты і труды различныхъ комиссій, будутъ-ли они составлены по инициативѣ правительства или какого-либо частного учреждения—это безразлично. Коллективность состава вь данномъ случаѣ представляетъ известную гарантію противъ субъективизма і пристрастного отношения кь дѣлу; сь этой стороны всякое заключение комиссій выше заключения единичного лица. *) «Принятый вь Англіи обычай публиковать всѣ материалы различныхъ законодательныхъ комиссій для исследования тюремного во-

*) Вь 30-хъ годахъ текущего столѣтія Франція, Пруссія і Англія послали вь Америку три комиссії для ознакомления сь Американскими тюрьмами; отчеты Токвиля і Бомона (Франція), Росселя і Крауфорда (Англія) і Юліуса, Грабовскаго і Буссе (Пруссія)—составляютъ эпоху вь истории тюремной литературы.